

УДК 801.314.1

З. М. Богословская

СПЕЦИФИКА ФОРМАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВА В СОЦИОЛЕКТЕ И ИДИОЛЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАРОДНОГО ГОВОРА

Статья посвящена анализу одного из динамических явлений в системе современного русского народного говора – формального варьирования слова. В ней представлены результаты сопоставления особенностей модификации материальной оболочки слова в индивидуальной и узальной речи диалектоносителей.

Ключевые слова: старожильческий говор Сибири, индивидуальный и коллективный лексикон, формальное варьирование слова.

Предметом анализа в настоящей работе является модификация материальной оболочки слова в пределах его тождества – феномен, тесно связанный с динамикой любой разновидности языка [1].

В целях соблюдения общелингвистического принципа – принципа единства языковой системы, времени и пространства – используется материал одного говора, собранный автором статьи в течение двух десятилетий.

В языке исследуемого социума (с. Вершинино Томской области) выявлено свыше 12 тыс. лексических единиц, реально находящихся в отношениях формального варьирования и составляющих более 4 тыс. сложных парадигм слов [2]. При сопоставлении указанного количества с числовыми сведениями о корпусе «Вершининских словарей» [3, 4] выясняется, что каждое четвертое слово в диалектной микросистеме видоизменяется внешне (*белый – белОй, брусника – бруснига – брусница, кроме – кромЯ – окрОме – окромЯ, шапка – шапа*). Как объяснить этот показатель сильной вариантной насыщенности современного говора? Он вытекает:

– из общего свойства любой языковой системы – избыточности, которая по сравнению с варьированием слова признается учеными (см. работы Б. А. Успенского, Л. В. Щербы, Ч. Хоккетта) в качестве универсалии более высокого порядка;

– особенностей территориального диалекта как разновидности национального языка, имеющей устный характер бытования (в связи с этим – отсутствие кодификации, стихийность и проницаемость нормы, предельно широкая комбинаторика строевых элементов языка и др.). Территориальный диалект, с одной стороны, сохраняет архаические формы, звуковые образы слов, закономерности прошлых столетий, с другой – подвергаясь воздействию литературной разновидности и других разновидностей языка (языков), активно перерабатывает чужое и обогащает свой лексический фонд;

– специфики русских старожильческих говоров Сибири, относящихся к дочерним образованиям, возникшим на основе нескольких материнских диалектов.

При дальнейшем логическом размышлении следует вопрос: может быть, сильная вариантная насыщенность словарного состава – свойство «вторичных», смешанных, переходных говоров и говоров, функционирующих в разноязычном окружении? Так, Т. И. Вендина, изучавшая явление конкуренции суффиксов *-ik(a)/-ic(a)* в славянских языках, установила, что варианты слов с данными суффиксами распространены почти повсеместно в говорах русского языка, однако основные очаги их «находятся в средневеликорусских говорах... и в русских старожильческих говорах Урала и Сибири» [5, с. 6]. Кроме того, если посмотреть на диалектную вариантологию с этой точки зрения, выясняется, что подавляющее большинство работ выполнено на базе «вторичных», переходных и прочих вышеперечисленных говоров. Не является ли данный признак теории отражением языковой реальности?

В поисках ответа обратимся к «Словарю современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» [6], в котором зафиксирован лексико-фразеологический состав одного из исконных южновеликорусских говоров. Как известно, «это дифференциальный словарь с большим количеством отступлений от принципа дифференциации» [7, с. 107]. С помощью приема сплошной выборки выписаны лексические единицы, находящиеся в вариантных отношениях, и составлены 713 вариантных рядов. Всего в этой лексикографической работе содержится свыше 7 тыс. слов. Таким образом, каждое десятое слово в указанном говоре материально видоизменяется. Эти количественные результаты соотносятся с результатами, полученными на материале Вершининского говора совокупно в группах лексики «собственно диалектное + собственно диалектное...», «диалектный вариант общерусской единицы + диалектный вариант общерусской единицы...», «диалектный вариант общерусской единицы... + собственно диалектное...». Безусловно, для более точного ответа на поставленный вопрос нужны дальнейшие исследования.

В диалектологии широко известно высказывание Т.С. Коготковой о том, что высокая степень вариантности в диалекте «...есть сумма идиолектного варьирования, полученная из большого количества слагаемых» [8, с. 47]. Работы первых исследователей словарного состава отдельных диалектных личностей – В.П. Тимофеева [9], В.Д. Лютиковой [10] – не позволяют сделать вывод о распространенности формального варьирования слова в народном идиолексионе. Это объясняется, очевидно, и особенностями методики сбора материала в каждом конкретном случае, и концентрацией усилий ученых на описании собственно диалектной специфики. Кроме того, как показывает наш личный опыт, чем уже диалектная языковая страта (диасистема – наречие – диалект в виде совокупности говоров – говор нескольких населенных пунктов – говор одного населенного пункта – социально-речевая подсистема говора – говор одного человека), тем больше времени и методического разнообразия необходимо для обнаружения вариантных отношений в лексике.

Другие ученые, в частности О.А. Черепанова [11], Е.В. Иванцова [12; 13, с. 95–116], Е.А. Нефёдова [14], считают формальное варьирование слова (при разном понимании этого явления) типичным признаком языка диалектоносителя. Наибольший интерес для данной работы представляют изыскания Е.В. Иванцовой, посвященные анализу феномена диалектной личности В.П. Вершининой, принадлежащей к вершининскому узусу. Однако в настоящее время в связи с несовпадением методики анализа формального варьирования Е.В. Иванцовой с методикой анализа автора данной статьи возможно лишь предварительное сопоставление рассматриваемого явления в социолекте и идиолекте.

Формальная модификация слова занимает значительное место в лексиконе рядовой диалектной личности, представителя традиционного типа говора – В.П. Вершининой. Согласно таблице, составленной Е.В. Иванцовой [13, с. 108], она охватывает 614 слов. Нельзя не заметить близость данного количества альтернантных слов к общей сумме альтернантных слов, зафиксированных в Деулинском словаре, также отражающем традиционный тип говора. Таким образом, соотношение формального варьирования слова в коллективном и индивидуальном лексиконе изучаемого автором говора приблизительно $\frac{6}{7}$: 1.

Словарный запас В.П. Вершининой включает около 17 тыс. слов и фразеологизмов, из них около 1 тыс. имен собственных. С учетом многозначности исследуемых единиц объем идиолексона составляет не менее 22,5 тыс. лексико-семантических вариантов слов и формально-семантических

вариантов фразеологизмов [13, с. 176]. Что же в итоге получается? Каждое 3–4-е слово в идиолексионе материально колеблется. Можно резюмировать: соотношение инвариантного и вариантного в индивидуальном и коллективном словарном запасе приблизительно одинаково.

Длина вариантного ряда в идиолекте доходит до шести звеньев, в социолекте – до 18 звеньев. Эти данные не противоречат друг другу, поскольку самые протяженные вариантные цепочки в исследуемом узусе имеют смешанный характер с точки зрения их распределения по социально-речевым типам говора, т.е. они не встречаются в полном объеме в пределах одного социально-речевого типа говора (традиционного, среднего, «передового») и в пределах лексикона одного человека.

Около трети всех формальных вариантов в речи В.П. Вершининой составляют фонематические (36,3%), на втором месте – «словообразовательные» (29%), третье место занимают смешанные (21%), четвертое – лексико-морфологические (7%) и акцентные (6,7%). Учитывая, что большая часть смешанных вариантов слова, по наблюдениям автора, имеет «словообразовательный» характер, можно сделать предварительный вывод: соотношение основных структурных типов формальных вариантов слов в узуальном и индивидуальном языке приблизительно одинаково.

Самый большой пласт вариантной лексики в узусе составляют имена существительные (свыше 2 100 рядов-блоков). Вариантная лексика в области глаголов составляет свыше 1 000 рядов-блоков, в области прилагательных – около 550, в области наречий – 270, в области слов категории состояния – 32, в области частиц – 30, в области предлогов – 29, в области местоимений – 20, в области союзов – 18, в области числительных – 14, в области междометий – 14. Количественное «измерение» вариантного и инвариантного узуального лексикона (отрезок «А–М»), проведенное Г.С. Шведой под руководством автора настоящей публикации, дало следующие статистические результаты: существительные – 5 163, глаголы – 3 649, прилагательные – 1 627, наречия – 730, частицы – 81, союзы – 48, предлоги – 39, местоимения – 38, числительные – 28, остальные (модальные слова и междометия) – 73 [15, с. 130–131]. Таким образом, высказывания некоторых ученых о том, что в диалекте более вариabельны существительные или прилагательные и т.п., недостаточно обоснованы. Формальное варьирование слова охватывает все классы слов более или менее равномерно.

В идиолекте среди всех выявленных вариантных цепочек почти половину также составляют имена существительные, далее по количественному параметру следуют глаголы. «Коллективное» и

«индивидуальное» различие в числе вариантных цепочек наблюдается среди наречий и прилагательных. В узусе альтернантных слов больше в сфере прилагательных, чем в сфере наречий; в индивидуальном языке соотношение альтернантных слов в сфере наречий и прилагательных практически одинаково. Однако в лексиконе В. П. Вершининой так же, как в лексиконе данного узуса, соотношение формальных вариантов слов разных частей речи есть отражение общего соотношения (вариантных и инвариантных) слов разных частей речи (отрезок «А–Я»): существительных – 300, глаголов – 116, наречий – 68, прилагательных – 64, частиц – 18 и т. д.

С точки зрения системных характеристик компонентов вариантных рядов и в словарном составе говора в целом, и в идиолексиконе картина следующая: доминируют оппозиции «общерусская единица... + диалектный вариант общерусской единицы...», «общерусская единица + общерусская единица...», «диалектный вариант общерусской единицы + диалектный вариант общерусской единицы...», «собственно диалектное + собственно диалектное...».

В изучаемой диалектной микросистеме как в рамках социолекта, так и в рамках идиолекта формальному варьированию подвергаются нейтральные и эмотивно-экспрессивные слова. Количественно преобладает первая группа модификаций слов. Это объясняется тем, что основным пластом диалекта, как и словарного состава литературного языка, является нейтральная лексика.

Также думается, что распространенные в специальной литературе противоречивые высказывания о том, что материальное варьирование характерно для пассивного словаря языка или, наоборот,

для активного словаря языка, можно отнести к разряду гипотез. Анализ данного явления на фоне полных диалектных словарей свидетельствует о том, что формальное варьирование слова охватывает разные лексические группы более или менее равномерно.

Таким образом, формальное варьирование в языке одной личности и в узусе имеет много общих черт. Предварительное сопоставление позволяет предположить, что различие в этом фрагменте лексикона социолекта и идиолекта носит, скорее, количественный характер, нежели качественный – типологический и функциональный.

Формальное варьирование слова выступает как стыковое явление между идиолектом и социолектом, обеспечивая взаимопонимание между конкретным человеком и другими членами коллектива. Это подтверждается, например, наличием лексики чужой речи в речи В. П. Вершининой, обозначенной Е. В. Иванцовой как важная составляющая пассивного словарного запаса личности [13, с. 59–64]. Другим доказательством является активное использование «чужих» формальных вариантов слова в повторных частях диалога, сближение «чужих» и «своих» формальных вариантов слова в метатекстах, текстах с цитацией чужой речи, наблюдаемое в речи разных информантов, см., например: *У меня кодА свадьба была, пришел Петруха и говорит: «Ты чё там навОдишь?» Будто не понимАт. А мама говорит: «КвашиЮ завОдим, зАвтре пирожки будем стрЯпать» // Я оделась. У меня кофточка была. Мама говорила: «Ты не отМенна от Етой кофты была» // [цитирует слова сына:] «Нет, мама, мне счастья в жИзни». Попала бы пЕрва попУтненька [жена], и он бы и жил бы, а так уж жИсь его пошла никуда.*

Список литературы

1. Главан А. А. К проблеме морфологической вариативности глаголов немецкого языка // Вестн. Томского го. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 91–92.
2. Богословская З. М. Диалектная вариантология. Томск: Изд-во ТПУ, 2005. 271 с.
3. Вершининский словарь: в 7 т. / Л. А. Араева, В. Г. Арьянова, Т. Б. Банкова, О. И. Блинова, З. М. Богословская и др.; под ред. Т. Б. Банковой, О. И. Блиновой (гл. ред.), З. М. Богословской и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002.
4. Полный словарь сибирского говора: в 4 т. / Л. А. Араева, В. Г. Арьянова, Т. Б. Банкова, О. И. Блинова, З. М. Богословская и др.; под ред. О. И. Блиновой (гл. ред.), З. М. Богословской, Л. Г. Гынгазовой и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995.
5. Вендина Т. И. Явление конкуренции суффиксов *-ik(a)/-ic(a)* в славянских языках (к проблеме прогрессивной палатализации заднеязычных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 24 с.
6. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969. 612 с.
7. Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 222 с.
8. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология: состояние и перспективы. М.: Наука, 1979. 332 с.
9. Тимофеев В. П. Личность и языковая среда. Шадринск, 1971. 122 с.
10. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 188 с.
11. Черепанова О. А. К оценке вариантности в речи индивида // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск, 1976. С. 74–78.

12. Иванцова Е. В. Формальные варианты слова в лексиконе диалектоносителя // Явление вариативности в языке: тез. докл. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 52–54.
13. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
14. Нефёдова Е. А. Идиолект как источник диалектного варьирования // Материалы и исследования по русской диалектологии: к 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 251–262.
15. Шведа Г. С. Соотношение частей речи в территориальном диалекте русского языка // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. науч. ст. и тез. I межвуз. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: Изд-во ТПУ, 2001. С. 130–131.

Богословская З. М., доктор филологических наук, профессор.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: zefarija@mail.ru

Материал поступил в редакцию 01.02.2012.

Z. M. Bogoslovskaya

**SPECIFIC CHARACTERISTICS OF WORD FORMAL VARIATION
WITHIN SOCIOLECT AND IDIOLECT OF MODERN RUSSIAN SPEECH**

The article is dedicated to one of the most dynamic phenomenon in the modern Russian folk dialects – formal variation of the word. Comparison results of the material wordshell modification features in individual and usual language of Siberian accent carriers are given herein.

Key words: *old Siberian residents speech, individual and collective lexicon, word formal variation.*

Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: zefarija@mail.ru